

А. П. Нарчук
(ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель)

**ПРОБЛЕМА ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ НА ПРИМЕРЕ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕТЕРИТА И ПЕРФЕКТА
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Настоящая статья посвящена изучению вопроса о различении в немецком языке претерита и перфекта. Эта проблема исследуется в аспекте взаимодействия их формы и содержания, которое в отношении данных глагольных форм выражается в противопоставлении временного и видового признаков. На основе анализа исторических примеров в статье прослеживаются процессы формирования видо-временной системы немецкого языка, которая в части функционирования претерита и перфекта демонстрирует тесное переплетение времени действия и характера его протекания.

Проблема формы и содержания является, по замечанию Р. А. Будагова, центральным вопросом в синтаксисе [1, с. 174]. Обращение к исследованию содержательного компонента немецких глагольных форм претерита и перфекта подтверждает этот посыл, фиксируя тот факт, что вопрос о различении их значений является до сих пор спорным. На протяжении многих десятилетий в лингвистике неоднократно возникали дискуссии относительно выражения ими видовых различий либо в части констатации их сходства. Чаще всего утверждается, что форма перфекта служит для обозначения действия, относящегося к прошлому, результаты которого существуют в настоящем, выражая событие как «время субъективной констатации», которое связано с настоящим временем в его непрерывном либо регулярно повторяющемся протекании [2, с. 54], [3, с. 54]. Как результат этого возникает картина действительности, описываемая в прошлом, но являющаяся значимой для данной ситуации в настоящем времени. Что касается претерита, он обозначает действия, целиком относящиеся к прошедшему времени.

Дискуссионность вопроса соотношения формы и содержания заключается, таким образом, в том, что достаточно распространено утверждение, «будто претерит обозначает незаконченное действие, а перфект – законченное» [2, с. 54], что переводит разговор в плоскость их видового различия. Тем самым в содержательной стороне формы претерита либо перфекта сочетаются разно-уровневые компоненты

значения времени, вида, временной относительности, что побуждает нас обратиться к истории развития системы глагола. По замечанию И. Б. Хлебниковой, «системы глагола индоевропейских языков представлены двумя типами в зависимости от того, какой признак является доминирующим – видовой или временной» [4, с. 63]. Между ними нет какой-либо непроходимой границы – в их основе лежит дихотомическое противопоставление, с одной стороны, актуального действия, непосредственно отражающего протекание времени, а с другой стороны, действия, которое может иметь или не иметь результат. Первый принцип восприятия действия демонстрирует его временную перспективу в части прошедшего, настоящего или будущего, второй – отражает характер его протекания. Их взаимодействие приводит к тому, что в разных языках при восприятии действия доминирует временной либо видовой грамматический признак глагола.

Так, например, в русском языке категория вида является важнейшей характеристикой глагола в части выражения им совершенного или несовершенного действия. Временной признак дополняется в этой системе отношений видовым, существенно расширяя тем самым границы категории времени. Несовершенный вид глагола соотносится с тремя временными формами (*благодарит, благодарил, будет благодарить*), совершенный – с двумя (*поблагодарил, поблагодарит*). Совокупность временного и видового признаков обозначает в первом случае в различных временных ракурсах длительное (незаконченное), постоянное или повторяющееся действие, в то время как во втором случае мы имеем дело с законченным действием, доведенным до результата или какого-либо предела.

Совершенный и несовершенный вид русского глагола является определенным аналогом немецкого претерита и перфекта. Но в немецком языке сложилась ситуация, характеризующаяся другим типом взаимодействия видового и временного признака глагола. Она восходит к общности линии развития видо-временной системы древних германских языков, специфику которой можно проследить на примере готского языка. М. М. Гухман констатирует, что вообще система готского глагола отличалась бедностью форм, выражавших категорию времени. В действительном залоге фигурировали только презенс и претерит [5, с. 168]. Формы презенса могли употребляться в зависимости от контекста в значении настоящего и будущего времени. Например: *aþþan **qiþa** izwis þatei managai fram urrunsa jah saggqa **qimand**, jah **anakumbjand** miþ Abrahamā jah Isaka jah Iakoba in þiudangardjai himine* [6, с. 173]. '*Говорю же вам, что многие **придут** с востока и запада и **возлягут** с Авраамом, Исааком и Иаковом в царстве небесном*'. Одна и та же форма презенса глаголов *qiþa, qimand*,

anakumbjand 'говорю, придут, возлягут' служит для выражения настоящего и будущего времени.

Формы претерита функционировали при выражении прошедшего времени без отражения каких-либо видовых оттенков. На видовое осмысление действия мог влиять только контекст либо лексическая специфика глагола, заключающаяся в таком его свойстве, как предельность и неопределенность. Например: *Paruh swe qaP im Patei ik im, galiPun ibukai jah gadrusun dalaP* [6, с. 174]. 'И когда **сказал** им, это я, они **отступили** назад и **упали** на землю'. Из грамматической формы глагола *qaP* 'сказал' не следует, что она обозначает действие, доведенное до результата. Это проистекает в данном случае только из контекста. В формах претерита *galiPun* 'отступили' и *gadrusun* 'упали' четко прослеживается законченность всего действия в силу предельности этих двух глаголов, достигаемой при помощи приставки *ga-*.

Таким образом, уже на древней стадии развития системы немецкого глагола его личные формы не выражали морфологическую категорию вида. В качестве средства выражения совершенного вида в прошедшем времени служил либо контекст, либо сам глагол обладал для его выражения соответствующими лексическими свойствами.

С возникновением в немецком языке перфекта появляется возможность дифференциации характера протекания действия по видовому признаку непосредственно с помощью грамматической формы глагола. Характерно, что первоначальное значение перфекта было видовое. В связи с этим В. М. Жирмунский пишет, что «он служил для обозначения настоящего результативного, т. е. законченного действия, результаты которого существуют в настоящее время» [7, с. 290]. Это его видовое значение восходит к догерманской эпохе, когда, например, в санскрите, древнегреческом или латинском языках функционировал старый перфект, основанный на противопоставлении презенса и перфекта, т. е. фактически на взаимодействии длительного, несовершенного вида с совершенным. В германскую эпоху старый индоевропейский перфект был утрачен, но он возродился в древневерхненемецком языке, и в этой новой форме его исконные видовые свойства наслаиваются на временные признаки, обозначаемые вспомогательным глаголом *haben* или *sein*. Видовое значение нового перфекта усиливается тем, что причастие II с приставкой *ge-* (как это было в старых германских языках с приставкой *ga-*) уже само имеет значение результативного вида по модели: *er hat die Arbeit gemacht* 'он имеет работу **сделанной**'. Как выражающий действие совершенное, имеющее результат прошлого действия в настоящем, перфект немецкого языка постепенно укрепляется в своем видо-временном

единстве, т. е. в нем происходит тесное переплетение времени действия и характера его протекания.

Однако сегодня исследователи языка обращают внимание на то обстоятельство, что немецкий перфект в последнее время начинает утрачивать свое видовое значение и все чаще совпадает с претеритом, выражая только временное отношение. Прежняя дифференциация значения претерита и перфекта постепенно стирается. Можно привести следующие примеры подобного безвидового употребления обеих форм в одном предложении: *Und wir **haben** beide **ausgehalten** bis ans Tor, da ihr die Magd leise **aufmachte** und auf ihr Fragen **versicherte**, dass Vater und Kleine wohl seien und alle noch schliefen. Da **verließ** ich sie mit der Bitte, sie **selbigen** Tags noch sehen zu dürfen, sie **gestand** mir's zu und ich **bin gekommen*** [8, с. 23]. Мы видим, как при употреблении форм глагола *haben ... ausgehalten, aufmachte, versicherte, verließ, gestand, bin ... gekommen* размывается исконный содержательный компонент и обозначается собственно действие. При этом формы перфекта *haben ... ausgehalten, bin ... gekommen* функционируют как структуры с чисто грамматическими показателями прошедшего времени и отличаются от форм претерита в том же значении только стилистически.

Характерно, что такое переосмысление видового содержания перфекта и развитие его формы в функцию, основанную на времени, не означает полного отказа от его исторической сущности, состоящей в способности отражать смыслы прошедшего времени, результаты которого находятся в настоящем. Немецкий перфект все же сохраняет категориальное значение завершенности действия, что выражается в необходимости соблюдения баланса на оси презенс-перфект при отражении предшествования: *Wo ich neulich mit meiner Erzählung **geblieben bin**, **weiß** ich nicht mehr* [8, с. 22]. Как показывает пример, это имеет место, когда повествование ведется в презенсе, в рамках которого перфект выполняет относительную функцию. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что различие между перфектом и претеритом в такой функции часто отсутствует: *Was ich dir neulich von der Malerei **sagte**, **gilt** gewiss auch von der Dichtkunst* [8, с. 14]. Мы видим, что в данном контексте, отражающем предшествование, автор отступает от увязки перфекта с презенсом и употребляет претерит.

Сложность взаимоотношения формы и содержания перфекта и претерита заключается, таким образом, в том, что при несомненной связи с настоящим временем перфект теряет свои изначальные дифференциальные признаки и уравнивается в грамматическом отношении с претеритом, сближаясь с ним. На примере их взаимодействия искусно проявляется, по замечанию И. Б. Хлебниковой,

общеиндоевропейское противопоставление на иной основе «действия незаконченного законченному, которое, развиваясь на базе временных осей ориентации, переосмысливается в противопоставление настоящего – прошедшего и одновременности – предшествования» [4, с. 72]. При этом наиболее выразительным является предшествование перфекта, восходящее к идее завершенности. Размытость одновременности претерита способствует развитию такого свойства глагола, как длительность. Специфика противопоставления претерита и перфекта показывает, что при отсутствии у глагольных форм четких содержательных параметров «видовая характеристика переносится из области грамматической категории в область лексики и синтагматики, которые по-разному взаимодействуют с временным содержанием формы» [4, с. 72].

Список использованной литературы

1. Будагов, Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов. – М. : Издательство Московского университета, 1976. – 432 с.
2. Зиндер, Л. Р. Пособие по теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка / Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. – Л., 1962. – 148 с.
3. Erben, Johannes. Abriss der deutschen Grammatik / Johannes Erben. – Berlin : Akademie-Verlag, 1966. – 316 S.
4. Хлебникова, И. Б. Некоторые вопросы типологического сопоставления видо-временных систем / И. Б. Хлебникова // Структурно-типологическое описание современных германских языков. – М. : Наука, 1966. – С. 62–73.
5. Гухман, М. М. Готский язык: учебное пособие / М. М. Гухман. – М. : Либроком, 2018. – 288 с.
6. Чемоданов, Н. С. Хрестоматия по истории немецкого языка / Н. С. Чемоданов. – М.: Высшая школа, 1978. – 288 с.
7. Жирмунский, В. М. История немецкого языка / В. М. Жирмунский. – М. : Высш. школа, 1965. – 408 с.
8. Goethe, J. W. Die Leiden des jungen Werther / J. W. Goethe. – Hamburg: Lesehefte Verlag, 2009. – 120 S.